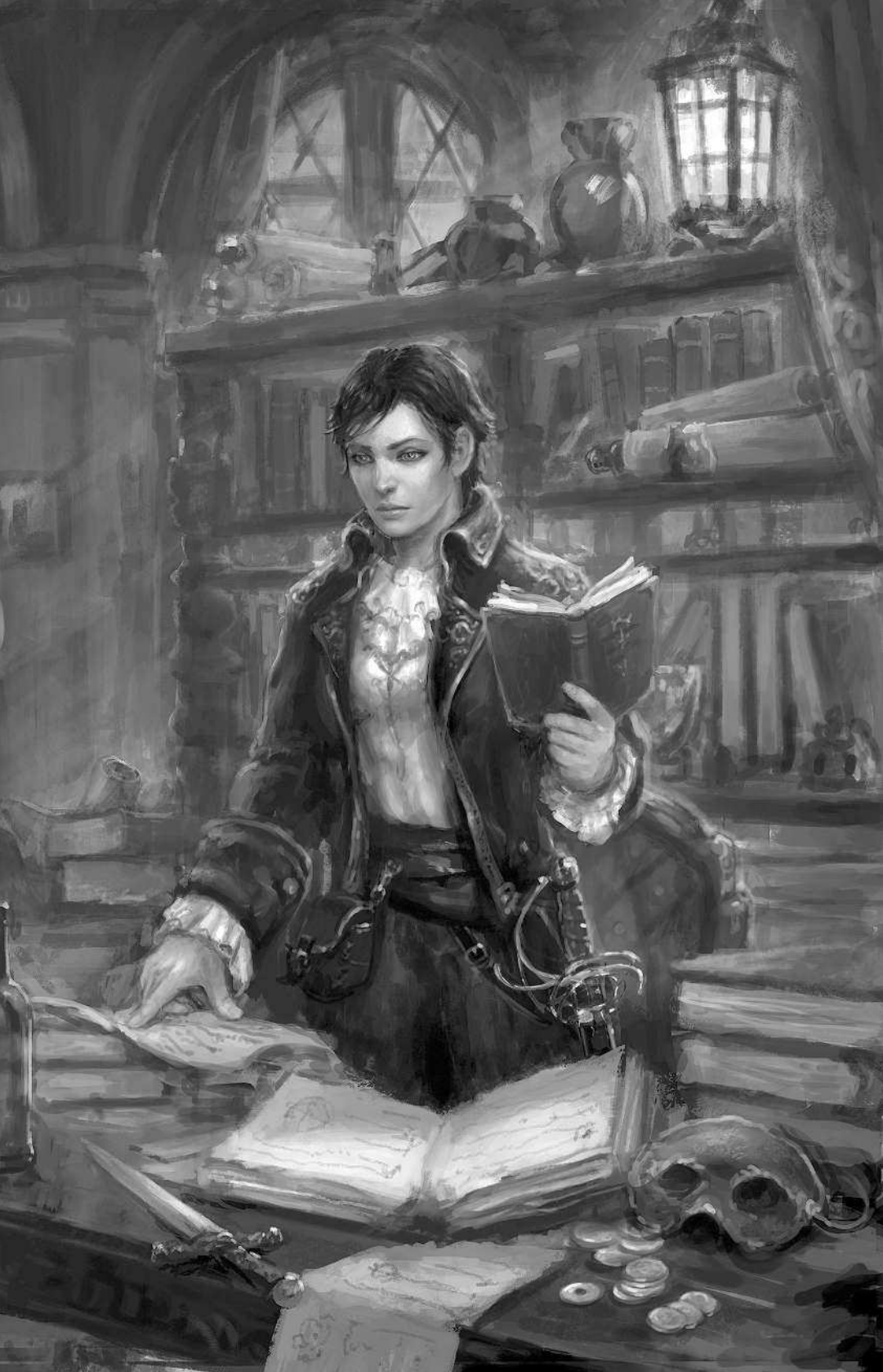

**БАРУ
КОРМОРАН,
ПРЕДАТЕЛЬНИЦА**

СЕТ ДИКИНСОН

БАРУ
КОРМОРАН,
ПРЕДАТЕЛЬНИЦА

fanzon

Москва

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Seth Dickinson

THE TRAITOR BARU CORMORANT

Copyright © 2015 by Seth Dickinson

Публикуется с разрешения автора
и его литературных агентов
Donald Maass Literary Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Иллюстрации на переплете и в тексте *А. Васильченко*

Оформление серии *А. Саукова*

Дикинсон, Сет.

Д45 Бару Корморан, предательница / Сет Дикинсон ; [пер. с англ. Д. Старкова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Fantasy World).

ISBN 978-5-699-99973-6

Завтра Бару Корморан выйдет на пляж и увидит на горизонте алые паруса.

Империя Масок нагрянет, вооружившись монетами и чернилами, доктринами и компасами, мылом и ложью. Чужаки завоюют Тараноке, родной остров Бару, перепишут его культуру, запретят его обычаи и отнимут одного из ее отцов. Но Бару терпелива. Она проглотит свою ненависть и станет частью Маскарада. Она пробьется наверх и заполучит власть, чтобы освободить свой народ.

Проверяя ее верность, Маскарад прикажет Бару навести порядок в далеком Ордвинне, притоне мятежников, шпионов и герцогов-бунтарей. Но Бару весьма искушена в политических играх, а ее безжалостность в вопросах тактики может сравниться лишь с ее целеустремленностью. И теперь она готова нанести последний удар и сполна выплатить цену свободы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-99973-6

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается
Джиллиан*

Благодарности

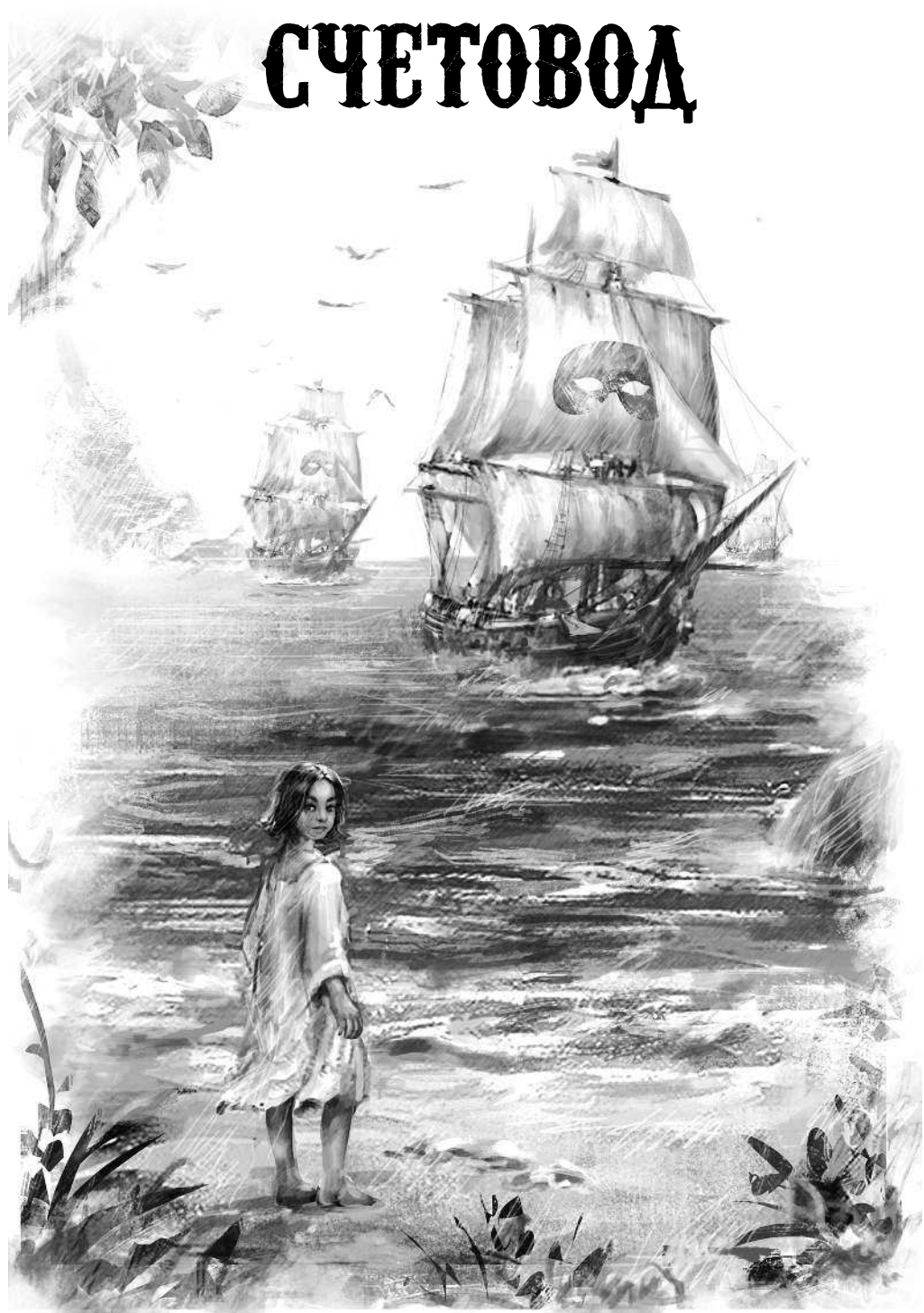
Sine qua non:¹ Рэйчел Собел. Дженнифер Джексон.
Марко Пальмиери. София и коллеги. Шакалы,
команда Blue Planet, мой брат и «гагара».

Уверяю вас...

...все это правда. Убедиться легко: правда причиняет боль.

¹ Крылатое выражение: «То, без чего невозможно» (*лат.*). (Здесь и далее — *прим. ред.*).

ЧАСТЬ I СЧЕТОВОД

Глава 1

Наступил новый торговый сезон, но Бару была еще слишком мала и не чувала ветра Империи. А Маскарад уже отправил своих любимых «солдат» — парусину, краски, обливную керамику, тюленьи кожи, ворвань¹ и бумажные деньги с надписями на фалькрестском языке — завоевывать Таранок. В те дни Бару частенько играла на берегу: она строила замки из теплого черного песка и с любопытством глазела на купеческие судна, входящие в гавань. Она и счету выучилась, наблюдая за кораблями и за чайками, которые парили над высоченными мачтами.

Спустя, наверное, десять с лишним лет она увидит кормовые огни фрегата в сполохах полярного сияния и вспомнит те самые паруса — из ее далекого детства, — белеющие на горизонте. Но семилетней девчонкой Бару не придавала им особого значения. Гораздо больше она любила арифметику, птиц и родителей — ведь они могли показать ей звезды.

Но именно от родителей Бару узнала, что такое страх.

Однажды осенью, когда на Таранок опустился багряный вечер и на небо высыпали звезды, отцы взяли Бару с собой на берег. Они собирали бурые водоросли, чтобы пережигать их в золу, из которой затем изготавливали стекло. Тонкие стеклышки, сотни раз отшлифованные вулканическим камнем, превращались в линзы и предназначались для телескопов. Это был ходкий товар.

Бару различила на горизонте торговые суда Маскарада, осторожно огибающие риф Халае.

¹ Переработанный жир морских млекопитающих.

— Пап, пап, смотрите! — закричала Бару. — Они плывут в Ириад на торг!

Отец Сальм поджал губы и покосился на риф, приложив ладонь козырьком ко лбу. Плечи его были точно горы, и от движения жилы на них вздувались, как канаты.

— Угу. Ступай наполнять бадью.

Остроглазый отец Солит взял мужа за руку и указал:

— Гляди-ка, третий корабль! Теперь они ходят конвоями.

Бару наострила уши и притворилась, что собирает водоросли.

— Пираты — хороший повод сбиваться в конвой, — буркнул Сальм. — А конвой — отличный повод иметь при нем сопровождение. — Он сплюнул в волны прибоя. — Пиньон права. Отрава одна — этот «пакт».

Следя за их рассуждениями, Бару заметила, как Солит приобнял Сальма за плечи, и его мозолистая ладонь вжалась в свиль мускулов мужа.

Бару не сводила глаз с отцов. И Солит, и Сальм заплетали свои волосы в косы, только у Солита была короткая косица, которая выгорела от жара кузнечного горна, а у Сальма — длинная, до пояса, в знак славы, добытой в смертельном кругу в боях с равнинными.

— Ты и его видишь? — спросил Солит.

— Нет. Но он там — за горизонтом.

— Кто, пап? — оживилась Бару.

— Наполняй бадью, Бару, — проворчал Сальм.

Бару очень любила мать и отцов. Но знания она любила чуточку сильнее. Кроме того, совсем недавно она открыла для себя, что можно добиться желаемого при помощи хитрости.

— Пап, — произнесла она, обращаясь к Солиту, который был более сговорчивым, — а мы поедем завтра на торг в Ириад, полюбуемся на корабли?

— Наполняй бадью, Бару, — ответил Солит.

Если уж Солит не дал ей поблажки, а просто повторил слова Сальма, то ей нужно смириться, поняла Бару. Похоже, Солита что-то вывело из равновесия. Она вздохнула, но Солит почти добродушно добавил:

— За вечер отшлифуешь стекла — завтра будет чем торговать. Тогда и поедем в Ириад, смотреть на корабли.

Когда Бару добралась до дома, она первым делом влетела в комнату и открыла словарь, переписанный матерью от ру-

ки. Прищурилась, чтобы различить мелкий почерк, и принялась отсчитывать буквы урунокийского алфавита в тусклом пламени свечи. В конце концов Бару добралась до нужной строки: «Конвой — караван или группа кораблей, собранная для взаимной защиты и обычно сопровождаемая военно-морским судном».

Военно-морским судном. Хм... Вот о чем отец Сальм сказал: «Он там — за горизонтом!»

Бару прислушалась к звукам, раздающимся во дворе. Стены из золотона не могли заглушить визг стекла о камень и негромкий разговор матери и отцов — охотницы, кузнеца и щитноса. Они были чем-то обеспокоены.

Ясно! Причиной их тревоги был тот самый «пакт».

Что значит это слово, Бару тоже быстро выяснила. Знания и впрямь давали власть над окружающим миром, но пока ей было непонятно одно: как пакт может быть отравой?

Наверняка она выяснит это в Ириаде.

Бару поставила словарь на полку и помедлила, задержав пальцы на ровных стежках переплета. Совсем недавно библиотека матери пополнилась очередной книгой, переплетенной в кожу иноземной выделки. На первой странице, напечатанной странными — ровными, сухими и безликими — абзацами, имелось название: «Букварь и основы грамматики афалона, торгового языка Империи, изложенные доступно пониманию туземцев Таранок».

В нижнем углу было указано количество экземпляров. Цифра была заоблачной: Бару, пожалуй, сразу бы сбилась со счета.

* * *

Там, где море сворачивалось клубком в объятиях базальтовых рук Ириадской бухты — среди зарослей макадамии, кофе и плантаций сахарного тростника, тянущегося вверх прямо из жирного вулканического ила, — цвел, будто золотая юность, Ириадский торг.

Он наполнял собой Ириадские доки и был самой шумной и восхитительной штукой на свете с тех пор, как Бару себя помнила. А в нынешнем году кораблей здесь собралось еще больше, чем раньше! В гавань пришли таранокские шаланды и фелюги, ориатийские купеческие посудины с юга и даже

громадные торговые суда Маскарада под белыми парусами. С их появлением торгу сделалось тесно на дощатых настилах набережной, и он выдвинулся в море, на плавучие пристани из коа и грецкого ореха, наполняя теплый солнечный день громом барабанов и криками зазывал.

Бару направлялась на рынок ради новой забавы — тайных замыслов и интриг. Она твердо вознамерилась узнать, что беспокоит ее родителей, и сгорала от любопытства.

Что за загвоздка в этих пактах и боевых кораблях?

Ничего, она обязательно все исправит!

Но сперва следовало добраться до самого торгога. Когда семья Бару разместилась в каноэ, девочка заняла место на носу, мать Пиньон и отец Сальм начали грести, а Солит принялся нервно оберегать телескопы. Ветер с моря взбаламутил стаи чернети и крохалей, и птицы недовольно взмыли вверх. Оравы поганок, цапель, качурок и фрегатов старались перекричать друг друга, а в вышине над ними парили огромные поморники, черные, точно клинья ночи, вбитые в синее дневное небо. Бару упорно старалась сосчитать их — каждую разновидность в отдельности.

— Бару Корморан, — ласково сказала мать Пиньон. — Подходящее мы тебе дали имя.

Мать была штормовой волной, неторопливой и могучей молнией или ярким лучом солнца. Когда Бару читала о пантерах, то моментально представляла себе темные глаза Пиньон и ее белозубую улыбку.

Мать работала веслом, и удары деревянной лопасти были ровны и размеренны, как морской прибой.

Согретая любовью, Бару вострепнулась и обняла сильную материнскую ногу. Ей не терпелось похвастать точным подсчетом птиц.

Они отыскивали причал, выгрузили телескопы, и торг взвихрился вокруг них. Лавируя в толпе, среди множества коленей и лодыжек, Бару отстала от родителей и быстро на что-то отвлеклась. Остров Таранокке сызмальства был торговым портом — удобной безопасной гаванью для ориатийских дромоннов и каноэ островитян, — и Бару чувствовала себя здесь как рыба в воде. Бартер, бумажные деньги, арбитраж — все это было ей знакомо. Именно тут совершались крупные и мелкие купеческие сделки и можно было купить любое заморское чудо.

«Мы продаем сахарный тростник, мед, кофе и цитрусы, — объясняла ей мать Пиньон, — а покупаем ткани и парусину. А еще мы меняем различные деньги, которые требуются другим торговцам, — так что будь внимательнее, Бару!»

Но Бару можно было об этом и не напоминать.

Внезапно она напряглась и замерла, наострив уши. В воздухе буквально витала тревога. Все вокруг было хрупким и неустойчивым, словно на остров надвигался шторм, и никто не понимал, как от него спастись и что можно предпринять.

Торг был пропитан диковинными ароматами, но в терпкой смеси Бару сразу распознала привычные запахи печеных ананасов, имбиря, красной железистой соли и аниса. За дробью барабанов, за возгласами танцоров и воплями зрителей на уруноки, ориати и новом торговом языке — афалоне — угадывался звон монет и перестук жемчужин, переходящих из рук в руки.

— Соли-и-ит! — заныла Бару. — Я хочу посмотреть!

Солит широко улыбнулся. Кузнец, он был щедр ко всем своим творениям, включая и Бару.

— Помню! Беги погуляй.

Прекрасно! Сейчас она выяснит, что означает словечко «пакт».

Бару отыскала прилавок, выкрашенный в белый цвет Маскарада. Мужчина, следящий за тем, чтобы его товар не украли, мог издали сойти за тараноки, но разрез глаз и плоский нос выдавали в нем иноземца. Он торговал рулонами ткани, сотканной из шерсти овец (по мнению Бару, эти кудлатые бестолковые твари были абсолютно безмозглыми и ни на что не годились).

Бару уставилась на продавца. «Наверное, он фалькрестиец», — подумала она. Еще при первой встрече с фалькрестийцами Бару отметила их тяжелые челюсти, глубоко посаженные глаза и светло-коричневую, цвета меди или овсяной соломы, кожу. С тех пор они совершенно не изменились.

Мужчина явно скучал, поэтому Бару безо всякого стеснения вскарабкалась на прилавок. У купца имелась и охрана — две бритоголовые женщины в матросских бриджах, однако они всюю развлекались, пытаясь преодолеть языковой барьер, который оказался преградой между ними и молодым таранокийским рыбаком.

— Привет, дорогая! — оживился купец. — Не нужна ли твоим родителям ткань для теплой одежды?